



П. ЗАСОДИМСКІЙ.

ОТЪ СОХИ КЪ РУЖЬЮ.



Изданіе

С.П.Б. Акц: Общества

„Издательство“



Дорогіє друзя!

Представляемъ вамъ разсказъ Павла Владиміровича Засодимскаго «Отъ сохи къ ружью». Онъ повѣствуетъ о крестьянинѣ, совсѣмъ еще недавно бывшемъ солдатомъ. Послѣ службы главный герой нѣсколько лѣтъ живетъ на землѣ, работаетъ, имѣетъ жену, малолѣтняго ребенка и хозяйство. Нелегко ему достается хлѣбъ...

Но, въ результатѣ войны Россіи съ Турціей, послѣ неудачной атаки Плевны, русская армія въ Болгаріи оказалась въ трудномъ положеніи. Въ іюль 1877 года была объявлена мобилизація 110 тысячъ солдатъ для подкрѣпленія русскихъ войскъ.

Призвали и нашего крестьянина, который уже и не планировалъ никогда возвращаться къ армейской службѣ, и строилъ планы на мирную жизнь. Но ему пришлось попрощаться съ семьей...

Въ нашемъ изданіи приводится текстъ произведенія въ соотвѣтствіи съ изданіемъ отъ 1899 года ¹.

Приятнаго вамъ прочтенія, друзя!

¹ Засодимскій, П. В. Отъ сохи къ ружью: [Разсказъ] / П. Засодимскій. – Санктъ-Петербургъ: Издатель, 1899. – 31 с.; 18.

П. ЗАСОДИМСКІЙ.

ОТЪ СОХИ КЪ РУЖЬЮ.

№ 11.

Дозволено цензурою.
С.-Петербургъ, 17 февраля 1899 г.

ИЗДАНИЕ

Спб. Акц. Общества печатнаго дѣла «Издатель».
Невскій просп., № 68—40.

Типографія Спб. Акціон. Общ. печати, дѣла «Издатель».
Ковенскій пер., д. № 14.

1899.

ОТЪ СОХИ КЪ РУЖЬЮ. (Изъ деревенскихъ лѣтописей).

«О край лѣса — лѣса темнаго
Пролежала слѣдъ-дороженька,
Та дороженька поубитая,
Горючей слезой политая»...

Изъ народной пѣсни.

I.

Время — июль 1877 года. Мѣсто дѣйствія — глухой деревенскій уголокъ въ одной изъ нашихъ сѣверо-восточныхъ провинцій.

Ни одного облачка не видать на синемъ небѣ, и высоко стоитъ въ немъ горячее полуденное солнце. Теплый вѣтерокъ чуть подуваетъ, и подъ его дуновениемъ едва колышется колосъ желтѣющей ржи, едва подергиваются легкою зыбью голубья вода рѣчки. Зеленые луга разстилаются по отлогому берегу, далѣе раскидываются поля. Рѣчка обмелѣла; берега ея теперь окаймляются песчаною, каменистою полосой. Берегъ, противоположный лугамъ и полямъ, крутъ и обрывистъ; на немъ располагается большая деревня — Обросимово.

Страда — въ самомъ разгарѣ. Деревня опустѣла, словно вымерла. Только двѣ старухи остались на виду: одна сидѣла подъ оконцемъ, на завалинкѣ, на самомъ припекѣ, и разогрѣвала на солнышкѣ свое зябкое, худенькое тѣло; другая, кряхтя и охая, разстилала по травѣ холстъ. Черный Жучко лежалъ въ тѣни у колодца, подъ рябиной... Все Обросимово разбрелось по луговой сторонѣ: одни ленъ дергали, другіе жали, третьи еще сѣно дометывали; нѣкоторые косили, а иные — поторопливѣе — уже принимались за озимовую пашню. Дѣло въ томъ, что зимой снѣга были глубокіе, вода

весной была велика и не спадала долго, и весна видалась холодная. Съ половины юня пошли жары, и лишь съ того времени стала подниматься травка... Оттого и вышло, что сѣнокосъ еще не кончили, а рожь уже поспѣла и пришло время посѣва. Трудно было въ этотъ годъ деревенскому люду справляться заразъ съ тремя работами.

Зато и но зѣвали — жали иной разъ до полуночи и возвращались домой, когда мѣсяць уже скрывался за лѣсомъ. Теперь на лугу сверкали косы, на поляхъ серпы блестяли. Пестрѣли разноцвѣтные платки; видны были съ подоткнутыми подолами сарафаны — синіе, желтые, розовые; попадались и дырявыя холщовыя рубахи. Ребята ставили суслоны, шевелили сѣно и, играючи, чуть не съ головой зарывались въ ароматной травѣ.

Яковъ Вахрушинъ докосилъ свой участокъ; Марѳуша перешевелила сѣно и сгребла его въ валы... Наступилъ тихій, благодатный вечеръ. Въ олешнякѣ надъ рѣкой громко чирикала малиновка; заунывная пѣсенка доносилась откуда-то издалека.

— Вонъ, люди паужинать собираются... Пора и намъ! — сказалъ Яковъ, кладя на плечо косу и прихватывая другою рукой пустой буракъ изъ-подъ воды.

— Пора и то! — промолвила Марѳуша, отходя къ сосѣдней копнѣ.

Тамъ, зарытый въ сѣно и обмотанный въ тряпье, спалъ ся сынишка. Во снѣ малютка ухватилъ правой ручонкой горсть сухой розовой макушки, а другую подложилъ подъ свою разгорѣвшуюся щечку и спалъ тѣмъ блаженнымъ, беззаботно-спокойнымъ сномъ, какимъ, читатель, намъ уже не спать. Марѳуша бережно взяла его на руки и, прихвативъ на плечо грабли, пошла за мужемъ. Малютка не пробудился, только потянулся на другой бокъ и еще крѣпче прижался головкой къ

материнской груди... Марѳуша заботливо поглядывала на своего спящего Пашутку. И какъ ей было не поглядывать на него! Вѣдь это — ея единственный сынокъ, ея первенецъ, ея радость. Къ тому жъ, и бабушка, и сестра, и всѣ говорятъ, что Пашутка походить на отца... А Якова она крѣпко любитъ. Мужикъ хорошій, добрый, непьющій, ни разу пальцемъ ее не тронулъ...

И Якову было за чтò любить свою молодуху: баба — работящая, не пустомеля, не слезомая, женщина здоровая и красивая. Лицо у нея продолговатое, съ прямымъ, тонкимъ носомъ и съ пухлыми алыми губами. Ея голубые глаза весело и открыто смотрять на бѣлый свѣтъ. А надъ ними, словно кисточкой, проведены темныя брови. Густой румянецъ играетъ на ея загорѣлыхъ щекахъ. На головѣ теперь повязанъ ситцевый платочекъ, десять разъ стиранный и уже кажущійся бѣловатымъ; пряди русыхъ волосъ выбиваются изъ-подъ него. Ея холщевая рубаха кругомъ ворота незатѣйливо обшита кумачемъ. Свободно, легко сидить на ней синій, также полинявшій сарафанъ, едва подтянутый по стану узенькимъ поясомъ. Высокаго роста, стройная, довольно полная, идетъ она «съ перевалочкой», — и видно, какъ подъ рубахой вздымается ея высокая, здоровая грудь.

Яковъ тоже — молодецъ, подъ пару ей. Недаромъ же былъ онъ «записанъ» въ гвардію. Плечи у него — косая сажень, и но всему замѣтно, что силы ему не занимать... Лицо — чистое, пригожее, а кроткіе сѣрые глаза словно хотятъ промолвить: «Мы смирны! Не обидимъ мы васъ, добрые люди! Только насъ не трожь»... Впрочемъ, теперь въ этомъ дюжемъ мужикѣ, обросшемъ бородой, трудно признать гвардейца. На немъ — потертая фуражка съ истрескавшимся козырькомъ, холщевая рубаха, синія пестрядинныя штаны, далеко не

доходящія до пятокъ. Ноги босы, грязны, мѣстами наколоты до крови... Слегка сторбившись, медленною поступью, шелъ онъ теперь къ рѣкѣ, а солнце такъ и поблескивало на лезвеѣ его косы.

Дойдя до рѣки, Яковъ сталъ перебираться черезъ нее гдѣ по камешкамъ, торчавшимъ изъ воды, гдѣ въ бродъ, благо было не глубоко. За нимъ, приподнявъ рубаху до колѣнъ, переходила Марѣуша со своею живою ношей на рукахъ. Взобравшись по узенькой тропинкѣ на берегъ, они пошли вдоль деревенской улицы и, свернувъ въ проулокъ, скоро очутились дома.

Хата у нихъ — небольшая, въ два оконца, новенькая, три года тому назадъ поставлена. Налѣво отъ нея — дворъ, съ двухъ сторонъ обнесенный сараями, а съ третьей — отъ проулка отгороженный плетнемъ. Въ плетнѣ продѣланы ворота, сколоченныя тоже изъ новыхъ сосновыхъ досокъ. За хатой разведенъ огородъ. Надъ самой хатой, широко распростерши вѣтви, стоитъ, наклонившись, старая черемуха, а въ уголъ забила дикая яблонь, обросшая шиповникомъ и высокимъ лопухомъ.

II.

Въ то время, какъ Марѣуша, положивъ ребенка въ зыбку, возилась съ чѣмъ-то подъ навѣсомъ сарая, Яковъ пошелъ въ огородъ за лукомъ. Выдернувъ нѣсколько головокъ и отрясая съ нихъ землю, онъ задумчиво осмотрѣлся по сторонамъ.

— А знаешь — что я хочу сдѣлать!.. — крикнулъ онъ Марѣушѣ. — Сниму-ка я на будущій годъ у Кузьмича вотъ этотъ косячокъ, да и пригородимъ его... глядь десять лишнихъ, глядишь, и выйдетъ...

— А это хорошо бы, Яша! — отозвалась жена.

— Гм! Еще бы — не хорошо... — продолжалъ

Яковъ. — Посадили бы мы картошки — и важное дѣло! Картошка вѣдь — большое подспорье въ ѣдѣ. Хлѣба-то на зиму, пожалуй, у насъ и стало бы хватать. А то вѣдь не накупишься его... вонъ какъ зимось по рублю пудъ...

— Что и говорить! — согласилась Марѳуша.

— Вотъ то-то я теперь и думаю: сколько-то Кузьмичъ запросить за «уголь»... Земля-то у него также безъ дѣла стоитъ...

Яковъ почесалъ затылокъ и еще разъ пристально посмотрѣлъ на прилегавшій къ его огороду участокъ сосѣдской земли, стоявшей впустѣ.

— Поспросать ужо... — замѣтила жена.

Обоимъ имъ пришла въ голову мысль: прихватить у Кузьмича землицы и расширить огородъ... Отправились паужинать. Похлебали квасу съ патертымъ лукомъ, хлебнули кислаго молока съ накрошеннымъ въ него хлѣбомъ и все это запили ковшикомъ студеной воды.

— Сѣнокосъ завтра порѣшимъ! — заговорилъ Яковъ, усаживаясь па крыльцо. — Ты, Марѳа, завтра лень дергай, а я сѣно перевозжу... Слышь?

— Ладно! — отозвалась жена.

— Ну, а потомъ за рожь принимайся... я засѣюсь той порой... А какъ съ пашней управлюсь, съ тобой на полосу стану. Вотъ тогда дѣло-то у насъ ходчѣ пойдетъ.

— Да съ рожью-то торопиться некуда... — замѣтила Марѳуша. — Овесъ-то еще съ прозеленью, да такой не ровный, Богъ съ нимъ...

— Овесъ нынче неважный... нельзя похвастать!

— Что будешь дѣлать! — съ легкимъ вздохомъ прошептала жена.

Яковъ, молча, вытащилъ изъ кармана штановъ трубку и кисеть. Взялъ онъ горсточку истолокшагося листа, набилъ свою носогрѣйку, досталъ изъ кисета

кремень, огниво и, оторвавъ зубами кусочекъ трута, высѣкъ огня и закурилъ. Дымокъ извился надъ трубкой и пошелъ гулять въ воздухѣ тонкими синеватыми струйками. Потянуло тютюномъ...

Мареуша, управившись, тоже вышла на крыльцо и, присѣвъ на ступеньку, стала убажать своего маленькаго крикуна. Разстегнувъ воротъ, она обнажила свою могучую бѣлую грудь и приложила къ ней малютку. Тотъ мигомъ замолкъ, и слышно было его самодовольное мычанье и причмокиванье... Пусть пьетъ малютка, пусть онъ, сердечный, набирается силъ и бодрости: ихъ понадобится ему въ жизни много-много... Теперь ему нѣтъ еще дѣла ни до государственныхъ, ни до земскихъ податей. Теперь онъ не признаетъ никакого государства... Онъ дышетъ даровымъ воздухомъ, сладко спитъ на груди материнской, и сны не тревожатъ его. Ни староста, ни «миръ» ему не страшны: мать никому не дастъ его въ обиду. Радостно смотритъ теперь молодая мать на его розовыя пухлыя щеки, на полузакрытые свѣтлыя глазенки и на этотъ маленькій ротикъ, крѣпко прильнувшій къ ея соску. А Пашутка расположился со всѣмъ удобствомъ, ухватившись лѣвою ручонкой за грудь матери.

— Смотри-ка, Яковъ, — каковъ проворъ! — сказала Мареуша, глазами указывая на сына.

Яковъ повернулъ къ нимъ голову и ухмыльнулся.

— Ишь ты, баловникъ! — промолвилъ онъ, наклоня надъ сынишкой свое загорѣлое, темное бородатое лицо и ласково поглаживая его по волосамъ, мягкимъ и свѣтлымъ, какъ чесанный ленъ.

Пашутка при этомъ на мгновение широко раскрылъ глаза и, усиленно зачмокавъ, еще ближе прильнулъ къ груди, еще крѣпче сжалъ свой кулачокъ.

— Пальцы-то какъ запускаетъ... Ахъ,

батюшки!.. Изо всей-то мочи... — смѣясь, говорила Марѳуша.

— Бойтся, чтобъ не взяли, — пояснилъ отецъ. — Ну, да — ладно! Не отымутъ твою забаву... Оставайся съ ней на здоровье!

Посидѣли молча; тихій часъ нашель. Они были бѣдны; осенью имъ угрожало постукиванье подь окномъ старосты, собирающаго старья недоимки и новья подати; они устали сегодня, измаялись, по все-таки теперь они «по своему» были довольны. Съ податью они какъ-нибудь справятся; ноги и рученьки ихъ отдохнутъ уже послѣ Покрова дня, когда они измолотятъ послѣдній овинъ; съ недостатей хлѣба также сладятъ какъ-нибудь, — при займутъ опять у того же Трофимыча до новой ржи... Что жъ дѣлать, если придется за четверикъ два отдать! «Гдѣ наше не пропадало!..» А главное: оба они молоды, здоровы и не унывають...

— Экій вечеръ-то сегодня тихій! — сказала Марѳуша, оглядываясь и заслоняясь рукою отъ солнца. — Знать, и завтра будетъ ведро... Дай бы Богъ — постояло такое времячко... Съ рожью-то управились бы живо!

— Да! — промолвилъ Яковъ, поглядывая за рѣку на разстилавшіеся тамъ поля и луга.

Тишиной и миромъ, честнымъ, святымъ трудомъ вѣяло отовсюду надъ этимъ укромнымъ уголкомъ земли въ тотъ вечерній часъ. Воробьи громко чирикали перескакивая и порхая по жердочкамъ плетня; куры кудахтали, роясь въ песокъ. Темно-зеленые листья черемухи, росшей за плетнемъ, чуть-чуть покачивались...

— Ну! сидѣть-то тутъ хорошо, а идти — копны класть — все-таки надо... А то, гляди, росой хватить! — проговорилъ, наконецъ, Яковъ, поднимаясь съ крыльца.

Марѳуша проворно накинула на пробой петлю и

заткнула ее деревяшкой, тутъ же висѣвшей на веревочкѣ. Когда Яковъ брался за грабли, завалившіяся за крыльцо, вдали послышался колокольчикъ, и все ближе, ближе...

— Кого Богъ даетъ? — замѣтила Марейша, выходя изъ воротъ.

— Можетъ, писарь опять... — говорилъ Яковъ, идя за женой.

Колокольчикъ той порой смолкъ. Яковъ издали видѣлъ, что какая-то пара лошадокъ остановилась у старостиной избы. Дорожа послѣдними часами заходящаго дня, онъ, не останавливаясь, поворотилъ къ рѣкѣ и сталъ спускаться по тропинкѣ, извиравшейся по обрыву.

— Не бѣги! тише! — крикнулъ онъ женѣ. — Урони ребенка-то...

— Да круто больно... Такъ и толкаетъ! — отозвалась та, сбѣжавъ съ кручи и остановившись надъ водой.

— Толкаетъ! — добродушно передразнилъ ее мужъ. — Я вотъ ужó тебя толкону...

«Онъ только что прошелъ...» — «Куда?» — «Къ рѣкѣ... на покось, надо быть»... Этотъ отрывочный разговоръ донесся до Якова, когда онъ съ женой былъ уже на серединѣ рѣки. И почти въ ту же минуту на береговой кручѣ появился староста, порядочно запыхавшись, съ раскраснѣвшимся лицомъ и безъ шапки.

— Яковъ! А, Яковъ! — кричалъ староста. — Подъ сюда!

— Чего тебѣ? Чего орешь-то?.. — отозвался Яковъ, въ полъоборота оглядываясь на старосту.

— Завтра тебѣ въ волость нужно... безсрочныхъ собирають... изъ правленья, вонъ, нарочный... — выкрикивалъ староста, тяжело переводя духъ.

— Какихъ безсрочныхъ? — переспросилъ Яковъ, переступая съ ноги на ногу.

— Вашихъ, слышь, — гвардейскихъ!.. Да подь-ка сюда... Вонъ, бумага...

И староста, почесываясь, поплелся съ берега.

III.

Мареуша обомлѣла и стояла, не шевелясь, какъ вкопанная. Въ первую минуту ни одинъ мускуль въ лицѣ ея не дрогнулъ, только все лицо вдругъ поблѣднѣло, да глаза съ напряженіемъ уставились вверхъ, на то мѣсто, гдѣ за минуту передъ тѣмъ стоялъ староста и гдѣ теперь былъ видѣнъ лишь песчаный бугоръ да груда полусгнившей соломы, а выше — голубое сіяющее небо озаренное красноватыми лучами вечерняго солнца... Впрочемъ, для Мареуши краснаго солнышка уже не стало; оно словно пропало, скатилось за край земли, — и все кругомъ нея вдругъ замутилось, потемнѣло; посѣрѣлъ, приунылъ весь бѣлый свѣтъ... И Якова ровно обухомъ но лбу хватилъ староста своимъ извѣстіемъ.

— Яша! Правда? — чуть слышнымъ шопотомъ сорвалось съ устъ Мареуши.

— Надо узнать толкомъ... — отвѣчалъ Яковъ, возвращаясь въ деревню.

Онъ пошелъ къ старостиной избѣ; жена — за нимъ. Тутъ ужъ не осталось ни малѣйшаго сомнѣнія и никакой надежды. Имъ, признаться до послѣдней минуты думалось: «Не вранье-ли?..» Теперь ужъ, конечно, стало не до работы; некогда копны класть да сѣно убирать...

— Ты домой ступай! А я — сейчасъ... — молвилъ Яковъ женѣ.

Значить, — «правда»...

Съ тихимъ, надрывающимся плачемъ шла

Мареуша по деревенской улицѣ, ничего не видя, ни на что не глядя и спотыкаясь, точно пьяная. Горе одурманило ее... Слезы застилали ей глаза, текли по загорѣлымъ щекамъ, падали куда попало — на землю, на руку, на волосы спящаго малютки. Неприглядень, холоденъ показался ей теперь сквозь слезы этотъ красный догорающій вечеръ. «Господи! Чтò съ нами будетъ? Что будетъ!» — шептали ея побѣлѣвшія губы, а сердечушко кровью обливалось... Пришла она въ избу, тяжело опустилась на лавку, да такъ и замерла. Ни одного яснаго чувства, никакой ясной мысли не пробуждалось въ ней. Жгучею, нестерпимою болью всю ее охватывало.. Одно лишь съ убійственною ясностью стояло передъ нею, какъ дикій кошмаръ: «На войну *его* угонять! Одни мы останемся»... Вотъ *что* такъ сгорбило ее, такъ низко нагнуло ей голову и выжимало у нея слезу за слезой...

Заплакалъ ребенокъ... Мареуша машинально, по привычкѣ, растегнула рубаху и прижала къ себѣ ребенка. А у самой глухія рыданія такъ и рвутся изъ груди; сердечушко ноетъ, болитъ, словно кто-нибудь желѣзными щипцами зажимаетъ его. И плачетъ она, наклонившись надъ Пашуткой, и кропятъ Пашуткину голову ея горячія слезы. Уже смокли отъ слезъ его свѣтлыя волосики. А онъ и не чувствуетъ, что мать его съ горя убивается; онъ — знай себѣ — тянетъ свою соску...

А Яковъ зашелъ въ питейный и купилъ косушку.

— Что жъ дѣлать! Надо, братъ, послужить... — отозвался онъ, встряхивая волосами, когда цѣловальникъ выразилъ ему свое сожалѣніе. — На то, братъ, и солдатъ, чтобы воевать...

Онъ кашлянулъ, выпилъ тутъ же залпомъ половину косушки, а остальное старательно заткнулъ пробкой и скляницу пихнулъ за пазуху:

— Только знатьё — не жениться бы! — со

вздохомъ прошепталъ онъ, выходя на улицу и торопливо проводя рукой по глазамъ.

И вдругъ во все горло затянулъ онъ пѣсенку. Безшабашное разгулье, разгулье отчаянія звучало въ ея тонѣ... Неладная, дикая была та пѣсня. Вышло бы лучше, не такъ больно и жутко было бы слушать, если бы Яковъ, прямо, благимъ матомъ заревѣлъ на всю улицу.

Придя домой, онъ допилъ косушку и съ напускной веселостью сказалъ женѣ:

— Ну, Марѳа! Надо мундиръ доставать, и кѣпу, и все... Ступай въ чуланъ, тащи... да почисти!.. Нѣтъ, погоди... самъ вычищу... Гдѣ вамъ, бабамъ!..

Напрасно Яковъ пилъ и шутилъ: виномъ горя не зальешь, разговорами не заговоришь и шутками не скрасишь...

— Господи, Господи! Да что-жъ это такое... — тихо причитала про себя Марѳуша, роясь въ лѣтнемъ чуланѣ и доставая изъ-подъ груди всякаго домашняго хлама мужнину одежду. — Что мы теперь безъ него... Сиротинушки!.. Не думали — не гадали, а вотъ... Кормилецъ ты нашъ! Красное мое солнышко...

Все мигомъ припомнилось Марѳушѣ... «Еще лѣтось въ Троицынъ день съ парнями баловалъ, надѣвалъ на себя всю муницію, по улицѣ ходилъ, балагурилъ, показывалъ всякія штуки... А теперь, вотъ, и въ самомъ дѣлѣ пришлось опять»... — И Марѳуша, склонившись надъ рухлядью, горько зарыдала.

Яковъ — этотъ нѣкогда бравый гвардеецъ, а теперь обросшій бородой и съ виду мужиковатый малый — также невеселъ сидѣлъ за столомъ передъ пустой косушкой. Низко понуривъ голову, онъ барабанилъ пальцами по краю стола, исподлобья взглядывая на дверь, куда вышла жена и откуда должна была скоро появиться съ его амуницией...

IV.

Яковъ былъ ошеломленъ нечаяннымъ призывомъ.

Уже четыре года онъ на Обросимовѣ въ безсрочномъ отпуску. Общество выдѣлило ему землю; Яковъ поставилъ хатку, обнесъ ее двумя сараями, развелъ огородъ и въ довершеніе всего женился года полтора тому назадъ. Черезъ годъ Марѳуша принесла ему сына. Вахрушинъ зажилъ семьяниномъ, и мысль о службѣ гвардейской совсѣмъ-таки выпала у него изъ головы. Вспоминалъ онъ про нее только изрѣдка, рассказывая ребятамъ про смотры и ученья, про генераловъ въ золотѣ да про великихъ князей. Время шло, и Якову стало казаться, что уже ничто не потревожитъ его, что онъ такъ-таки и доживетъ до старости въ своемъ родномъ Обросимовѣ. Въ его голову и думушки никогда не закрадывались о томъ, что его опять когда-нибудь потянутъ на службу, что придется доставать изъ чулана амуницію и прощаться съ крестьянской рабочей долей...

Правда, еще въ прошломъ году говорили про то, что много русскихъ уѣхало на войну съ турками. Только та война объявилась не отъ Россіи, а отъ сербскаго государства. Сказывали, что изъ первыхъ уѣхалъ биться съ турками нашъ генералъ Черняевъ. Писарь про него въ газетѣ читалъ и не мало толковали про него на Обросимовѣ... Но прошло лѣто, прошла осень, — Богъ миловалъ: призыву не было... Съ весны опять начали о войнѣ поговаривать. Писарь сказывалъ, что противъ турокъ войска наши пошли. Иной разъ и про то поминали: какъ бы но стали безсрочныхъ собирать...

Но Якову никакъ не вѣрилось, что за нимъ-то вотъ именно и пошлютъ... Онъ такъ сжился съ деревней, со своимъ полемъ, съ хатой, съ мирною жизнью

семейной, что ему даже дико было подумать о казармѣ, о солдатскомъ житьѣ-бытьѣ, о войнѣ и о сраженіяхъ. Руки за пять лѣтъ уже отвыкли отъ ружья, зато онъ ловко управляется съ топоромъ, съ косой, съ цѣпомъ и вилами. Отвыкъ онъ маршировать, зато — мастеръ ходить за сохой, дрова рубить, молотить, корчевать пни. Отвыкъ онъ отъ барабаннаго боя, отъ шума и грохота маневровъ и смотровъ; привыкъ къ жизни тихой, деревенской... Недѣлю, бывало, работаетъ онъ, какъ волъ, а въ праздникъ погулять выйдетъ, полштофъ съ ребятами разопьетъ, споетъ пѣсенку — не боевую, не военную, а пѣсенку обросимовскую — протяжную да унылую... Знать, эта пѣсня названа: «непогодю, невзгодю повитая, во крови — въ слезахъ крещеная, омытая»; про нее, знать, сказано, что «нанесло ее съ пожарищъ дымомъ-копотью, — намело съ сырыхъ могилъ мятелицей»... А иной разъ, бывало, и на улицу не пойдетъ, сядетъ съ трубочкой у окна и переговаривается съ Марѳеушей. Когда же семьи прибыло, Яковъ рѣже прежняго сталъ уходить изъ дому въ досужіе часы...

Но вотъ воротилась жена въ избу съ амуницией и, тихо плача, начала вытряхивать мундиръ и обчищать пыль съ кэпи. Нужно было кое-что зашить, пришить двѣ-три поговицы. Марѳеуша сѣла за работу.

Скоро вся деревня уже знала, что собирають безсрочныхъ и Якова завтра въ городъ погонять.

— Марѳа-то, поди, убивается! — толковали бабы.

— Еще бы ей не убиваться... только-что было своимъ домомъ зажили, а тутъ — нако-сь...

— Все хозяйство теперь въ разоръ пойдетъ! — разсуждали мужики.

— Что и толковать! Гдѣ ужъ бабѣ управиться, да еще съ ребенкомъ...

— Охо-хо! Горе-гореваньице, прости Господи... Землю-то, поди, разложить на общество... двѣ лишнія души кормить заставятъ...

— Знамо, что заставятъ... это ужъ какъ есть... Вѣдь не съ голоду же помирать бабѣ!..

— Охъ, какъ бы и всѣмъ-то намъ съ голоду помирать не пришлось! — замѣтилъ старикъ Прохоръ, посматривая на мужиковъ своими красными слезящимися глазками.

Сосѣди пришли къ Якову понавѣдаться, посидѣли, потолковали, поохали и разошлись невесело.

Сборы были не долги: Яковъ живо управился. Вечеромъ поздно, послѣ ужина, онъ усѣлся, — можетъ быть, въ послѣдній разъ — на свое любимое мѣстечко, на крыльцо, и закурилъ трубку... Въ трудѣ, со спокойной душой, свѣтло начатъ былъ имъ этотъ день. А вечеромъ сразу все вверхъ дномъ стало, сердечушко ныло, болѣло, и темно было впереди. Всѣ его планы и расчеты разлетѣлись мигомъ: не сниметъ онъ у Кузьмича въ аренду этотъ клинышекъ земли, не насадитъ картофеля; не кончить ему полевыхъ работъ; женѣ одной придется дожидать и убирать хлѣбъ.

Наступала ночь, ясная, тихая. Въ синемъ небѣ золотыя звѣздочки ярко горѣли. Полный мѣсяцъ стоялъ надъ землей. Онъ приходился теперь за избой. Отъ хаты и отъ плетня ложились тѣни... Вотъ — дворъ. Въ одномъ углу его лежитъ ворохъ полусгнившей, прошлогодней соломы. Подъ навѣсомъ стоятъ дровни, оглоблями вверхъ. Вонъ черемуха раскинула надъ плетнемъ свои жиденькія вѣтви. Вершина ея не шелохнется и вся серебрится въ мѣсячномъ свѣтѣ. Вонъ въ огородѣ хмель высоко вьется по тычинкамъ, а вокругъ него темнѣетъ разросшаяся крапива и лопухъ... Все это очень знакомо Якову и со всѣмъ этимъ приходится теперь проститься... Надолго-ли? Не навсегда-ли?

Яковъ легъ спать, но долго ворочался, не смыкая глазъ. Извѣстно: время лѣтнее... то муха укуситъ, то комаръ запищитъ надъ головой... Передъ разсвѣтомъ Яковъ задремаль.

V.

И пригрезился ему сонъ...

Въ первомъ же сраженіи, будто бы, его ранили, и онъ, за непригодностью къ службѣ, былъ отпущенъ домой. И вотъ онъ летѣлъ по чугункѣ, плылъ на пароходѣ, тащился въ телѣгахъ съ попутными мужиками и, наконецъ, добрался до знакомыхъ мѣстъ. Вотъ идетъ онъ Поземовскимъ лѣсомъ; по его расчету, до Обросимова осталось не больше десяти верстъ. Пробирается онъ лѣсной окраиной, вдоль дороги, по сухой, крѣпко убитой тропинкѣ. По ту и по другую сторону отъ него высокой стѣнной стоитъ лѣсъ. Густой кустарникъ разрастается по опушкѣ. Изъ-за нѣжной зелени березъ и осинъ тамъ и сямъ торчатъ лохматые ели, высятся сосны. Розовый цвѣтъ шиповника алыми пятнами мелькаетъ среди зелени, а изъ травы виднѣются мелкіе желтые и бѣлые цвѣточки. Птицы чирикаютъ въ кустахъ... Красноватымъ вечернимъ свѣтомъ, какъ отдаленнымъ заревомъ, подергиваются лѣсныя вершины. Свѣжестью, цвѣтами, лѣсною глушью вѣетъ отовсюду. Здѣсь — миръ и тишина...

Усталъ Яковъ, слабъ онъ сталъ послѣ болѣзни, грудь ноетъ, болитъ, тяжело дышать ему... Но онъ скоро поправится на родной сторонѣ; деревенскій лѣсной воздухъ безъ лѣкаря вылѣчитъ его. Теперь онъ съ жадностью, съ надеждой впиваетъ въ себя свѣжій вечерній воздухъ... И хорошо, весело ему стало, когда вправо отъ дороги, на небольшой прогалинѣ, показалась знакомая истопка. Отъ нея до Обросимова считается

версты четыре... Лѣсъ, наконецъ, начинаетъ рѣдѣть. Потянулись кусты и молодой, приземистый олешнякъ. Вотъ видать и Обросимово — видны его хаты съ соломенными кровлями, съ высокими почернѣлыми трубами. Яковъ чувствуетъ, какъ начинаетъ обдавать его дымкомъ, жилымъ запахомъ. Струя теплаго воздуха вѣетъ ему въ лицо... Вотъ залаяла собака... и лаесть-лаесть...

Яковъ раскрываетъ глаза... Сѣрый утренній разсвѣтъ пробивается сквозь щели повѣтей, и съ улицы явственно доносится собачій лай. Гдѣ-то пѣтухи поютъ... Накинувъ на себя сукманину, Яковъ вышелъ на дворъ... Облака заволакивали небо, моросиль мелкій дождь. Непривѣтливо, угрюмо глядѣли въ то утро обросимовскія хаты, потемнѣвшія отъ дождя. Тамъ и сямъ изъ трубъ поднимался дымъ... Обросимово принималось за работу.

Въ послѣдній разъ Яковъ взялся за топоръ и сталъ колоть дрова. И много накололъ онъ дровъ. «Надолго ей хватить теперь!» — думалъ онъ, смотря на полѣнья. Жаль только, что онъ такъ же скоро не можетъ управить за Марѳушу и всѣ полевья работы. «Эхъ, знатѣ бы — поторопился... Рожь-то бы хоть кончить!» — съ сожалѣньемъ сказалъ онъ про себя.

Надо было собираться въ путь. Натянулъ на себя Яковъ свой военный нарядъ съ кантами и свѣтлыми пуговицами. Отъ платья пахло затхлостью, сыростью, какъ вообще пахнетъ отъ залежавшейся старой одежды. Неуклюже сидѣлъ на Яковѣ потертый полукафтаны и совсѣмъ какъ-то не шелъ къ его мужицкому лицу, обросшему бородой. Кѣпи тоже какъ-то странно торчала на его густыхъ, косматыхъ волосахъ... Вообще Яковъ скорѣе выглядѣлъ переряженнымъ мужикомъ, чѣмъ солдатомъ. Плечи его какъ-то опустились, спина согнулась и походка стала чисто мужицкая, тяжелая, «съ перевалкой»...

Прощавшись съ сельчанами и попросивъ «міръ» не обижать его хозяйку, Яковъ еще разъ взглянулъ на свою хату, судорожно перекинулъ съ одного плеча на другое свой холстинный мѣшокъ и двинулся въ путь. Баба съ ребенкомъ пошла провожать его.

— На могилки зайдешь? — спросила Марѳуша, когда они поровнялись съ погостомъ.

— Какже! Надо попрощаться съ родителями... — промолвилъ Яковъ.

Жалобно скрипнула калитка на ржавыхъ петляхъ, и путники стали пробираться между буграми къ знакомымъ могиламъ, гдѣ, наклонившись, стояли два деревянныхъ креста. Кресты посѣрѣли, погнили, — не нынѣ, такъ въ будущую осень ихъ свалитъ вѣтромъ. Могилы осѣли, опустились... Яковъ скинулъ кэпи, набожно крестясь, трижды поклонился въ землю, касаясь головой основанія погнившихъ крестовъ. «Простите и вы, могилы!.. Прости, прахъ родительскій!» говорилъ про себя Яковъ, смотря на густую траву, росшую привольно на могильныхъ буграхъ. Высокая, сочная осока слегка покачивалась отъ вѣтра, и голубыя незабудки выглядывали изъ-за нея.

— Марѳа! Нѣтъ-ли у тебя какой ни на есть тряпочки? — вдругъ спросилъ Яковъ, круто оборачиваясь къ женѣ.

Та, молча, пошарила въ карманѣ. Никакой тряпки не оказалось... Тогда Яковъ присѣлъ на землю, стащилъ сапогъ и оторвалъ отъ своихъ онучь лоскутокъ. Обувшись снова, онъ взялъ съ могилы горсточку сырой земли, завернулъ ее въ холстину и этотъ крохотный узелокъ привязалъ на тесемку къ кресту. Марѳуша, молча, смотрѣла на мужа своими тусклыми, покраснѣвшими отъ слезъ, глазами.

— Вотъ такъ-то лучше... — проговорилъ Яковъ,

застегивая у рубахи воротъ.

Глянулъ онъ на церковь и опять покрестился... Дорогъ и миль ему съ малыхъ лѣтъ этотъ старый деревянный храмъ съ сѣрою крышей и съ низкою колокольною! Онъ еще мальчуганомъ ходилъ сюда по праздникамъ къ обѣднѣ. Здѣсь отпѣвали его отца и мать. Здѣсь, передъ этимъ старымъ почернѣвшимъ иконостасомъ, онъ вѣнчался. Здѣсь же крестили его сынишку... Бывать-ли ему когда-нибудь въ этой церкви? Богъ вѣсть... На войнѣ по головкѣ не глядятъ. Хоть тамъ и даютъ иногда георгіевскіе кресты, а все-таки скорѣе можно угодить въ могилу безъ креста, чѣмъ съ крестомъ на груди домой воротиться...

Пошли далѣе. Яковъ взялъ парнишку на руки, а жена за нимъ слѣдомъ тащила мѣшокъ.

Волостное правленіе отъ Обросимова было въ 12 верстахъ. До него нужно было идти пѣшкомъ, а оттуда безсрочныхъ должны были везти на подводахъ въ городъ за 40 версть.

Прошли обросимовскія поля, прошли воронинскую пустошь. Родныя мѣста уже скрылись изъ виду... А на Обросимовѣ той порой жизнь и работы шли прежнимъ порядкомъ... Попрежнему, надъ Обросимовымъ наступитъ вечеръ, потемнѣетъ небо, заскрипятъ по полямъ коростели, запахнетъ сѣномъ въ прохладномъ воздухѣ. Не будетъ доставать лишь одного «Якова безсрочнаго»....

VI.

Сосѣди обѣщали не обижать Марѳушу. Это такъ... Но Яковъ Вахрушинъ очень хорошо зналъ, что въ минуту прощанья люди какъ-то невольно становятся мягче, добрѣе и даютъ такія обѣщанія, которыя исполнить бываетъ имъ не подъ силу. Вѣдь сосѣди его

люди бѣдные, вѣчно въ нуждѣ да въ притѣсненіяхъ. А бѣдные люди поневолѣ подчасъ становятся раздражительны, злы, жестоки... Яковъ былъ человѣкъ неглухой, и думалось ему, что не сегодня — завтра его Марѳеушѣ можетъ прійтись плохо. А кто же вступится за нее, когда у каждаго своя забота, свое горе. Всякому некогда, не до другихъ, когда свое добро горитъ и болить душа...

Хотя Яковъ въ свое время былъ бравымъ солдатомъ и лихо выкрикивалъ «ура» и «рады стараться», хотя онъ числился «безсрочнымъ», но все-таки прежде всего онъ былъ человѣкъ, семьянинъ, крестьянинъ обросимовскаго общества. Для солдатскихъ чувствъ время еще будетъ впереди; запахъ пушечнаго дыма и крови не раздулъ еще въ немъ воинственныхъ инстинктовъ. Чувства простыя, человѣческія теперь всецѣло владѣютъ имъ, волнуютъ его и заставляютъ высоко подниматься его грудь. Теперь онъ еще не военный герой, подвигамъ котораго, быть можетъ, станетъ удивляться міръ. Теперь онъ только герой труда и терпѣнія...

Онъ не задавался вслухъ горькимъ вопросомъ: «Зачѣмъ эта война поднялась? Для чего было безсрочныхъ собирать?» и т. д. Только гдѣ-то глубоко въ душѣ вставало сожалѣніе. «Э-эхъ! То ли дѣло на Обросимовѣ»... Слава его не манила и ничто не тянуло на войну, въ даль отъ роднаго угла. Что жъ дѣлать! Не виноватъ Яковъ Вахрушинъ, что онъ не родился воинственнымъ человѣкомъ, не выросъ героемъ, хотя трусомъ, человѣкомъ малодушнымъ онъ не былъ никогда. Всѣ думы, всѣ человѣческія чувства онъ глубоко схоронитъ въ своей душѣ...

Въ городъ пріѣхали ночью и расположились на улицѣ передъ желтымъ одноэтажнымъ домомъ. Надпись на домѣ гласила: «Полицейское Управленіе». Передъ

этимъ домомъ простиралась большая, пустая площадь, только въ базарные дни наполнявшаяся деревенскимъ людомъ. Среди площади въ ночномъ сумракѣ неясно бѣлѣла большая каменная церковь, за церковью темнѣли «ряды», то-есть, рядъ пустыхъ лавчонокъ съ какими-то жалкими навѣсами. Изрѣдка кое-гдѣ влаивала собака. Изъ растворенныхъ оконъ сосѣдняго дома отрывочно доносились звуки музыки и нѣжный женскій голосъ сладко пѣлъ про счастье, про любовь... Небо было сѣро, облачно и грозило дождемъ.

Путники наши расположились по-цыгански, только нельзя было костра развести. Мареуша съ ребенкомъ прилегла въ телѣгѣ, а Яковъ, завернувшись въ сукманину, растянулся на пыльной муравѣ. Другіе два «безсрочные», ѣхавшіе съ ними, завалились тутъ же. А возница, привязавъ лошадь къ тротуарной тумбѣ, самъ прикорнулъ подъ телѣгой... По улицѣ иногда проходили бары, вѣроятно, возвращавшіеся домой изъ гостей, и съ жаромъ толковали что-то про Дунай-рѣку, про Карсъ... А сѣрое небо хмурилось, и высокая бѣлая колокольня на площади какъ-то мрачно, зловѣще рисовалась на темно-сизыхъ тучахъ, нависшихъ надъ городомъ...

Къ утру передъ полицейскимъ управленіемъ набралось «безсрочныхъ» со всего уѣзда человекъ 40. Пошли осмотры, вписыванья да росписыванья... Явившись по начальству и освободившись на время, безсрочные разбрелись по трактирамъ заливать свое горе — кто чаемъ, кто водкой. На всѣхъ перекресткахъ встрѣчались плачущія женщины. Солдатики пьяными ватагами ходили, обнявшись, по улицамъ и орали пѣсни. Городишка оживился... До поздняго вечера на улицахъ слышались разгульные пѣсни, стоны бабъ и плачъ ребятъ... Все это время Яковъ давалъ своей Мареушѣ совѣты и училъ: какъ ей быть и что дѣлать безъ него...

Ночью на нѣсколькихъ подводахъ безсрочныхъ повезли въ губернской городъ. Марѳуша упростила своего кума Василья довести и ее до города... Зазвенѣли колокольчики, запыхала большая дорога. Лѣса, болота, поля, деревни, станціонные дома съ ихъ полосатыми фонарными столбами долго мелькали передъ глазами путниковъ. Наконецъ, телѣги застучали по каменной мостовой. Приѣхали.

На слѣдующій день наступило послѣднее прощанье. Можно было думать, что прощанье не умножить скорби, не усилить горя, ибо горе и такъ было велико и глубоко. Но нѣтъ!.. Въ эти-то послѣднія минуты и произошелъ взрывъ самаго жгучаго отчаянія...

VII.

На вокзалъ Яковъ явился уже болѣе похожимъ на солдата: онъ былъ подстриженъ, выбритъ; только усы — попрежнему длинные — закрывали его верхнюю губу. На плечахъ была накинута сѣрая шинель... Раздался звонокъ. Точно по сердцу ударилъ онъ Марѳушу. Яковъ рванулся было, но жена крѣпко ухватила его одной рукой за плечо, а другою прижала къ его груди ребенка и сама прильнула къ нему.

— Голубчикъ! Яша... на кого ты насъ... — вся дрожа и рыдая, замирающимъ голосомъ шептала она.

Яковъ, его жена и сынъ составляли въ тѣ минуты такую тѣсную группу, словно бы она была одно цѣлое. У Якова на рѣсницахъ дрожали слезы, когда онъ смотрѣлъ на сынишку и чувствовать, какъ Марѳушины теплыя слезы падали ему на щеку... Второй звонокъ.

— По мѣстамъ, господа! — выкрикивалъ кондукторъ. — Садитесь!.. Служивый! Эй!..

Яковъ рванулся и побѣжалъ въ вагонъ. А тихій жалобный плачь несся за нимъ.

— Яша, голубчикъ! — крикнула Мареуша.

«Мало словъ, а горя — рѣченька,
Горя — рѣченька бездонная»...

Много бабъ набралось. Стонъ и вой разносились по всему вокзалу изъ конца въ конецъ. Много слезъ было пролито въ тотъ день на каменные плиты дебаркадера желѣзной дороги... Третій звонокъ, затѣмъ свистокъ... И какой же онъ громкій, пронзительный, жалобный! Бабы даже вздрогнули, слышавъ его... Поѣздъ тронулся. Мареа, глотая слезы и прижимая къ груди Пашутку, ускореннымъ шагомъ шла рядомъ съ тѣмъ вагономъ, откуда изъ окна киваль ей головой и махаль шапкой ея Яша... Поѣздъ пошелъ скорѣе. Мареуша побѣжала... Сбѣжала съ платформы и съ воемъ пустилась вдоль полотна дороги догонять поѣздъ.

— Не бѣжи! Расшибешься! — кричали ей незнакомые голоса изъ оконъ мелькавшихъ передъ нею вагоновъ. — Прости, голубка! Не поминай лихомъ... Э-эхъ ты, ну! У-ухъ!.. Жги-и-и, говори... рукавички барановыя... — вопили изъ вагоновъ во всю мочь.

Мареуша уже не видала своего Якова. Поѣздъ, стуча и громыхая, проносился мимо нея; въ окнахъ вагоновъ мелькали незнакомыя лица... Въ глазахъ у Мареуши помутилось, закружилась ея бѣдная головушка. Мареуша остановилась и, чтобы не упасть, оперлась на телеграфный столбъ... Поѣздъ умчался, шумъ затихъ вдали. Народъ расходился со станціи.

VIII.

По прибытіи на мѣсто военныхъ дѣйствій, Якова Вахрушина, вмѣстѣ съ прочими, отправили въ Зимницу. Тамъ они оставались сутки безъ ѣды, потому что на

нихъ еще не было отпущено провіанта. На другой день имъ выдали сухарей, а еще черезъ день они добыли себѣ какой-то холодной похлебки. Вскорѣ же ихъ зачислили въ полкъ и отправили подъ Плевну.

Въ половинѣ октября, когда одна изъ самыхъ отчаянныхъ непріятельскихъ атакъ была отбита нашими войсками, сотоварищъ Якова, раненый въ ногу, лежалъ на окраинѣ заброшеннаго, вытоптаннаго кукурузнаго поля. Вечерѣло... Вся лощина и скатъ противоположнаго холма, занятаго турками, были еще въ дыму. Слышался сухой трескъ ружейныхъ выстрѣловъ. Въ сѣроватыхъ облакахъ дыма порой вспыхивали молніи и слышался грохотъ орудій... Солнце краснымъ шаромъ стояло низко надъ землей, и клубы дыма порою заволакивали его...

Совершалось здѣсь страшное дѣло... Люди на время переставали быть людьми и становились звѣрями — дикими и злыми. Чудовищно странны и страшны до безобразія были эти лица съ выраженіемъ то страха, то лютой ненависти и злости; страшны были эти налитые кровью глаза, жилы, напрягшіяся на вискахъ, раздувшіяся ноздри, оскаленныя фізіономіи, потемнѣвшія отъ порохового дыма и забрызганныя кровью. Убитые лежали кучами. Раненые корчились въ предсмертныхъ мукахъ. Слышались стоны, хрипѣнье... Животныя пришли въ ярость; лошади грызлись между собой такъ же, какъ люди. Земля стонала; стоналъ, казалось, и самый воздухъ надъ землей. Адская музыка гудѣла, не умолкая, между землей и небесами.

Вдругъ раненый, лежавшій на краю кукурузнаго поля, услыхалъ неподалеку отъ себя слабое, прерывистое ржанье и обернулся. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него лежала издыхавшая лошадь. Ея бока тяжело подымались; окровавленныя внутренности вывалились у нея наружу... Какой-то солдатъ, тоже, видно, тяжело раненый, полулежалъ, прислонившись къ

спинѣ лошади. Стараясь приподняться, онъ съ усиліемъ упирался локтемъ о шею лошади. Первый раненый внимательно посмотрѣлъ на земляка, призналъ его и тихо окликнулъ:

— Вахрушинъ! ты?

— Я! — отозвался тотъ также тихо, съ трудомъ поворачивая голову къ товарищу. — А ты... а-а... — началъ было онъ и не кончилъ.

Въ то же мгновеніе граната, шипя, взбороздила землю передъ самой лошадыю, и раздался взрывъ. Раненаго, который окликнулъ Вахрушина, всего обдало пескомъ. Когда же пыль разсѣялась, онъ протеръ глаза и оглянулся... Лошадь была уже бездыханна, и рядомъ съ ней, распластавъ руки, лежалъ Яковъ Вахрушинъ, страшно обезображенный, съ разможеннымъ черепомъ, облитый кровью...

Бѣдняга! — не исполнился тотъ сонъ, что видѣлъ онъ наканунѣ отъѣзда изъ дому...

Въ облакахъ дыма попрежнему поблескивали молніи и грохоталъ громъ. Красноватые лучи заходящаго солнца, пробившись сквозь дымъ, кровавымъ свѣтомъ окрашивали на мгновеніе лощину, — и затѣмъ мрачныя тѣни, сгущаясь, снова ложились надъ полемъ брани, надъ полемъ смерти...

...А на Обросимовѣ напрасно Марѳуша ждала своего мужа. Не возвратился онъ домой... Когда сынъ подростъ и въ первый разъ спросилъ мать: гдѣ тятя? — она сквозь слезы отвѣтила ему:

— Тятя твой на войну ушелъ...

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ

Издание данной книги осуществляется при поддержке Благотворительного фонда восстановления церкви Святой Живоначальной Троицы с часовней в Язвищах (<https://xgam-v-yazvichax.ru>), занимающегося реставрацией храма, расположенного в селѣ Язвищи Боровенковского сельскаго поселения Окуловскаго района Новгородской области.

Данный топонимъ образованъ отъ слова «язвина», однимъ изъ значеній котораго въ старославянскомъ языкѣ является слово «нора». Недалеко отъ села протекаетъ рѣка Язовка, изрытая лисьими норами, давшая ему наименованіе.

Одно изъ первыхъ упоминаній о селѣ можно встрѣтить въ Переписной оброчной книгѣ Деревской пятины отъ 1495 года. Уже тогда тамъ проживали десятки человѣкъ.

Шли вѣка... Смѣнялись поколѣнія... Въ началѣ XX вѣка въ Язвищахъ проживали около 40 человѣкъ, что, можетъ быть, и немного, т. к. это была церковная земля, зато въ близлежащихъ деревняхъ – около 700 человѣкъ.

Жили люди, перестраивались и церкви, постоянно находившіяся въ селѣ. Такъ, въ 1891 году на мѣстѣ старой деревянной церкви былъ выстроенъ каменный храмъ Святой Живоначальной Троицы, возлѣ котораго расположилась богадѣльня, другія постройки. Рядомъ проживали и священнослужители.

Но прошло чуть менѣе трехъ десятилѣтій, и храмъ сталъ не нуженъ. Окончательно онъ закрылся въ 1937 году. Потихонечку исчезали люди. Война, лагеря, очень многіе разѣхались въ города... Умерло и село Язвищи, которое было снято съ регистраціи въ 1977 году. Вмѣстѣ съ нимъ

умерли еще десятки подобныхъ сель и деревень.

Сейчасъ въ близлежащихъ къ храму деревняхъ вмѣсто семисотъ человекъ, о чемъ сказано выше, проживаетъ около тридцати. Лишь лѣтомъ съѣзжаются дачники и мѣстность какъ-то оживаетъ.

Въ Язвицахъ остался только одинъ домъ, въ которомъ проживали священнослужители, да и тотъ давно непригоденъ для жилья.

А храмъ стоитъ – поруганный, оскверненный, но величественный – и ждетъ...

Почему такое произошло? Какъ вернуть въ тѣ прекрасныя мѣста людей, Жизнь? На эти вопросы есть много предположеній, но мы считаемъ, что сначала надо приступить къ реставраціи храма. И затѣмъ все вернется, т. е. въ тѣхъ мѣстахъ появится вѣра, безъ которой не можетъ жить ни теистъ, ни атеистъ.

Съ 2011 года мы начали реставрировать нашъ храмъ. За это время вынесли мусоръ, застелили временные полы, закрыли пленкой окна. Ввиду того что зданіе церкви является памятникомъ архитектуры, приступили къ разработкѣ научно-проектной документациі.

Если Вы имѣете возможность помочь намъ въ дѣлѣ возстановленія храма, то просимъ Васъ перечислить посильное пожертвованіе на реквизиты нашего фонда:

Расчетный счетъ получателя: 40703810655100000343 въ
Сѣверо-Западномъ банкѣ ПАО «Сбербанкъ Россіи»,
Санктъ-Петербургъ.

ИНН получателя: 7816290748.

Получатель: Фондъ возстановленія церкви Святой Троицы
въ Язвицахъ.

Счетъ Банка получателя: 30101810500000000653.

БИК Банка получателя: 044030653.

Назначеніе платежа: Благотворительное пожертвованіе.

Поддержать нас можно через мобильное приложение вашего банка воспользовавшись QR-кодом (достаточно указать Ф.И.О. и сумму пожертвования). В этом случае средства поступят на расчетный счет.



Съ вопросами вы можете обращаться по телефону (921) 33-99-801 (Олегъ Лавровъ) или на электронный адрес lavrovoa@mail.ru.

Благодаримъ васъ за поддержку, друзья!

КНИГИ ВЪ ДОРЕФОРМЕННОЙ ОРФОГРАФИИ

Представляемъ вамъ книги классиковъ русской литературы, исполненныя въ авторской (дореформенной) орфографіи. Изданія являются хорошимъ подаркомъ для ценителей русского языка.

Приобрѣти книги вы можете перейдя по адресу: <https://pravopisanie.xram-v-yazvichax.ru>, а также въ Интернетъ-магазинѣ OZON.

Доступны на 



Человѣка, добротой дающаго, любить Богъ, и недостатокъ дѣль его восполнить

[Книга Притчей Соломоновыхъ 22:8]